

Годжо Хара мягко улыбнулся студентам и представился:

— Меня зовут Годжо Хара. Можете называть меня просто господин Хара. «Учитель» — это лишнее, я не преподаю, а лишь подменяю своего младшего брата.

Большинство ребят уже знали его. Он и раньше заменял Сатору на занятиях у второго курса. А второкурсники — народ осведомленный: Маки Дзэньин принадлежала к некогда влиятельной побочной ветви клана Дзэньин, Тогэ Инумаки происходил из древнего рода магов слова, так что о громком имени временного главы клана Годжо они, разумеется, были наслышаны. Что касается Нанако и Мимико, то их приемная мать, Юки Годзё, числилась среди самых преданных доверенных лиц Хары, так что девочек вполне можно было назвать его воспитанницами, пусть они и не носили его фамилию.

Панда, которого директор Яга вырастил в стенах Токийского магического колледжа, помнил Хару еще со времен его собственного студенчества. Юта Оккоцу успел познакомиться с ним лично еще до официального зачисления.

А первокурсник Фусигуро Мэгуми и вовсе рос под его присмотром — в конце концов, его родители, Тодзи и Эри, уже давно работали на господина Хару.

По сути, представление предназначалось лишь для двоих: Итадори Юдзи и Кугисаки Нобары. Только они до сегодняшнего дня ничего о нем не знали. Впрочем, даже без лишних слов, глядя на это лицо — точную копию Сатору, — несложно было догадаться, что перед ними брат-близнец их классного руководителя.

Как только Хара закончил, Итадори Юдзи бурно и искренне зааплодировал:

— Значит, господин Хара — старший брат Годжо-сенсея! Вы близнецы, да? Невероятно похожи! Здорово, что вы помогаете ему вести уроки, даже не будучи учителем. Сразу видно, какие у вас доверительные отношения!

Хара одарил Юдзи одобрительным взглядом. Славный малый. Пусть говорит побольше, Харе такое по душе.

Мэгуми удивленно покосился на одноклассника. В голове шевельнулось сильное сомнение.

"Он что, серьезно видит брата Хару впервые? Как умудрился с ходу нащупать его самую чувствительную струну?"

— Вы правда близнецы? — изумилась Кугисаки Нобара. — Если честно, кажется, будто господин Хара намного старше нашего Годжо-сенсея.

Заметив, что мужчина перевел на нее взгляд, Нобара торопливо замахала руками, оправдываясь:

— Ой, я не к тому, что вы выглядите старым! Наоборот, вы производите впечатление очень солидного, зрелого мужчины.

Хара, разумеется, не собирался мелочно придираться к словам юной студентки. Он лишь мягко улыбнулся:

— Я старше Сатору всего на три минуты. Но закон есть закон: я все-таки его старший брат.

Нобара благоразумно прикусила язык. От этой вежливой, безупречной улыбки веяло скрытой угрозой. Привыкшая безжалостно подкалывать Сатору, перед господином Харой она подсознательно не решалась распускаться.

Методика преподавания Хары разительно отличалась от раздолбайского стиля его брата. Он лично сходил в спарринг с каждым учеником, скрупулезно указывая на малейшие бреши в защите и подсказывая, как их исправить. Он раз за разом валил ребят на лопатки, тут же поднимал на ноги с помощью обратной проклятой техники и заставлял продолжать бой. Попытка прекратилась лишь тогда, когда студенты вымотались физически и душевно настолько, что даже исцеляющая магия уже не могла вернуть им бодрость духа.

Однако, несмотря на дикую усталость, каждый из них отчетливо понимал, насколько вырос за этот день и сколько застарелых ошибок сумел искоренить.

Закончив занятие, Хара сразу покинул площадку, не задерживаясь ни на секунду.

Едва заменяющий учитель ушел, усеявшие тренировочное поле полуживые тела начали подавать признаки жизни. Нобара, тяжело дыша, поделилась впечатлениями:

— Надо же, насколько нормальный подход к обучению... Он ведь действительно разбирал наши слабые стороны и помогал стать лучше, а не глумился над тем, какие мы слабаки. Глядя на его спокойное, доброжелательное лицо, я до сих пор поверить не могу, что все это было наяду.

Сатору, безусловно, тоже радел за своих подопечных и относился к работе со всей ответственностью. Как сильнейший маг современности, он снисходил до спаррингов с желторотыми юнцами, но его замечания во время боя обычно облекались в ядовитый сарказм. Если свести его поучения к общему знаменателю, получалось что-то вроде: «Ой-ой-ой, неужели кто-то опять наступает на те же грабли? Какая немощь! Вы же даже до края моей одежды дотронуться не можете!»

И как прикажете воспринимать такие «наставления»? Ребята чувствовали себя не столько учениками, сколько грушами для бития, над которыми вдобавок изощренно издеваются.

Всё познается в сравнении. После уроков с Сатору любой нормальный преподаватель, который не сыпал насмешками, а поддерживал и направлял, казался чудом.

Когда Хара соглашался подменить брата, он просто добросовестно выполнял обязанности. Душой за этих ребят он не болел — у него хватало собственных забот в концерне и клане. В этом отношении он сильно отличался от Сатору или того же покойного ныне Хайбары Ю, которые искренне привязывались к ученикам.

Но стоило студентам увидеть его лицо — точную копию физиономии их мучителя, — как они внутренне сжимались, ожидая очередной издевки. А получая вместо нее сухие, деловые, но исключительно полезные советы, испытывали почти благоговейный трепет.

Панда авторитетно резюмировал:

— Просто Сатору опустил вашу планку ожиданий ниже плинтуса. На его фоне Хара кажется ангелом во плоти.

— С этим недоумком в темных очках иначе и быть не могло, — фыркнула Маки Дзэньин. — У него же напрочь отсутствуют педагогическая этика и здравый смысл.

Слышавший это Панда поспешил предостеречь подругу:

— Тише ты. Смотри не ляпни такое при господине Харе. Иначе он из тебя всю душу вытрясет.

Маки закатила глаза. Ей не впервые делали подобное внушение.

— Да знаю я, знаю! Потому и помалкиваю, когда он рядом. В мире магов только ленивый не в курсе, что господин Хара — законченный братоман.

Она никогда не позволяла себе критиковать безалаберность Сатору в присутствии его брата. Маки понимала: это бесполезно. Хара не станет воспитывать близнеца — он будет лишь потакать любым его капризам.

Чего девушка не знала, так это того, что Хара прекрасно был осведомлен о каждом ее косом слове.

Сам Сатору никогда не обижался на дерзость Маки. Для него подобные подколки были своеобразной формой близости, признаком того, что между учителем и учениками нет глухой стены формализма.

Хара однажды попытался высказать брату свое недовольство подобным панибратством, но Сатору лишь отмахнулся, уверяя, что дети так выражают свою любовь, и ему это нравится.

После этого Хара закрыл тему.

Пусть ему претило неуважительное отношение студентов к Сатору, но раз уж сам виновник торжества был доволен, старшему брату оставалось лишь смириться. Он даже ни разу не

показал своего раздражения открыто и проводил тренировки безупречно.

Однако глухая досада никуда не делась. Из-за нее у Хары не было ни малейшего желания задерживаться после уроков и общаться с молодежью. Для него эти подростки оставались лишь временными попутчиками в жизни брата — через пару лет они выпустятся, появятся новые лица, так стоит ли тратить на них душевные силы?

Правда, свое недовольство Хара все же вымещал — тихо и вполне легально. Во время тренировочных спаррингов он гонял Маки жестче остальных, благодушно объясняя это тем, что ее тело, измененное Небесным проклятием, гораздо прочнее и выносливее, а значит, требует повышенных нагрузок.

Когда Сатору вернулся в Токийский магический колледж с охапкой коробок с десертами, его взору предстала живописная картина из раскиданных по земле тел. Он тут же выхватил телефон и принялся увлеченно щелкать затвором, слепя учеников вспышкой. Те только слабо отмахивались.

— О-о, да вы тут совсем спеклись! Ну и как вам урок великого господина Хары?

— Было адски тяжело, но безумно полезно, — прохрипела Нобара. — Годжо-сенсей, вам бы поучиться у брата нормальным методам!

Сатору пропустил шпильку мимо ушей:

— Замечательно! Значит, буду звать его почаще.

Разумеется, Сатору прекрасно видел прохладное отношение брата к его подопечным. За внешней легкомысленностью скрывался острый, наблюдательный ум. Он читал старшего близнеца как открытую книгу и без всяких расспросов понимал, какие чувства тот прячет под маской безупречной вежливости.

Раньше Сатору старался не обременять Хару просьбами о подмене, зная, сколько у того забот в клане. Но в последние два года, заметив неприязнь брата к новому поколению магов, он изменил тактику. Сатору понимал, что Хару задевает их колючий, панибратский тон. Сам-то он, напротив, терпеть не мог удушающую угодливость и почтительность, с которой к нему относились ученики постарше — вроде той же Яо Годзё или Ю Минагавы. Для Сатору дурачества и взаимные подколки были мостом к сердцам подростков.

Он надеялся, что если Хара будет чаще общаться с его ребятами, то рано или поздно разглядит за внешней грубостью их искренность и теплоту. Ведь его ученики, по сути, были чудесными, чистыми детьми.

Сам Хара на этот счет имел твердое мнение: ему было плевать, насколько «чудесными» были эти подростки. Единственное, что имело значение — проявляют ли они должное уважение к

его брату. Сатору был центром его вселенной, а все прочие — лишь фоновым шумом.

И все же ему приходилось наступать на горло собственной песне ради спокойствия близнеца.

К счастью, среди этого балагана нашлось приятное исключение.

Новоприбывший Итадори Юдзи вел себя совсем иначе. И сейчас Хара окончательно утвердился в мысли, что принял верное решение, когда спас парню жизнь.

В этом мальчишке сквозило что-то от безвременно ушедшего некогда Хайбары Ю — то же открытое, солнечное простодушие, мягкий нрав и искреннее, бьющее через край восхищение своим наставником.

"По-настоящему хороший ребенок", — невольно думал Хара и ловил себя на том, что начинает откровенно выделять Юдзи среди остальных.

Несмотря на отсутствие у Итадори врожденной техники, Хара не жалел сил на его обучение. Он даже устраивал для него индивидуальные тренировки, благодаря чему парень в кратчайшие сроки освоил «Черную вспышку». В довершение всего Хара преподнес ему щедрый подарок — проклятое оружие особого ранга в виде перчаток, идеально подходящих под его стиль ведения боя и технику «Расходящегося кулака».

Юдзи души не чаял в своем строгом, но заботливом наставнике. Подарок он принял с благоговением и практически не снимал перчатки с рук.

Увидев обновку, Мэгуми удивленно приподнял брови:

— Похоже, господин Хара действительно к тебе благоволит. Эти перчатки — проклятое оружие особого ранга. Идеально подходят для ближнего боя.

Юдзи, которому при вручении подарка никто не озвучил его истинную ценность, округлил глаза:

— О-особого ранга?! Мэгуми, а... сколько они могут стоить?

— Около пары сотен миллионов иен, я думаю, — спокойно ответил Мэгуми. Его отец владел внушительной коллекцией редкого оружия, так что в рыночной стоимости подобных вещей парень разбирался отлично.

Юдзи едва не лишился чувств. В его руках внезапно оказалась вещь, сопоставимая по цене с роскошным особняком. Подарок мгновенно стал казаться обжигающе горячим, словно раскаленный уголь.

Парень занервничал, лихорадочно соображая, не стоит ли вернуть перчатки владельцу или хотя бы попытаться накопить на ответный презент сопоставимой стоимости. Принимать столь щедрые дары на халяву его не учили.

Заметив его терзания, Мэгуми поспешил успокоить друга:

— Не переживай так. Для господина Хары эти миллионы — сущие гроши, он баснословно богат. Раз уж подарил, значит, видит в тебе потенциал. Твое лучшее спасибо — не обмануть его ожидания. А когда окончишь колледж, начнешь брать задания и заколачивать приличные деньги, тогда и выберешь для него хороший ответный подарок.

Юдзи решительно кивнул и сжал обтянутые прочной кожей кулаки:

— Я буду стараться изо всех сил! Клянусь, я не подведу господина Хару!

С того дня он начал тренироваться с утроенным усердием. Его яростный пыл и фанатичное упорство даже заставили Нобару заподозрить, что парень пытается устроить среди них нездоровую конкуренцию.

Видя такое рвение, Сатору умилился чуть ли не до слез:

— Мой любимый ученик так усердно трудится! Сердце учителя просто разрывается от нежности. В награду за твои старания я объявляю выходной! Собирайтесь, мы едем развлекаться!

Юдзи с готовностью вскинул руки вверх:

— Ура! Погнали!

Развлечение, однако, оказалось со специфическим привкусом. Сатору привез троицу к заброшенному, абсолютно безлюдному парку аттракционов. Вспомогательный управляющий Идзити Киётака уже успел натянуть Завесу. Почтительно поклонившись ребятам, он произнес:

— Желаю вам легкого боя.

Первокурсники дружно уставились на наставника пустыми глазами.

— То есть твоя «веселая прогулка» — это зачистка проклятой территории? — процедила сквозь зубы Нобара.

Сатору расплылся в широкой улыбке:

— Ну почему сразу зачистка? Зато как только вы приструните местных проклятых духов, весь парк окажется в вашем полном распоряжении! Разве не здорово?

Кугисаки поудобнее перехватила свой молоток и зловеще заскрежетала зубами:

— О да... Просто мечта всей моей жизни!

Мэгуми лишь обреченно вздохнул.

С тех пор как он поступил в Токийский магический колледж, поводов для молчаливого созерцания чужого безумия у него прибавилось в разы. Иметь наставника, который по уровню безответственности мог легко потягаться с его собственным родителем — то еще испытание для нервной системы.

Его отец, Тодзи, тоже никогда не претендовал на звание образцового родителя, но он хотя бы редко отыгрывался на собственном сыне. В крайнем случае у Мэгуми всегда оставался козырной туз в рукаве — угроза пожаловаться маме. Против этого лома у грозного Небесного тирана никогда не находилось приема, и он послушно шел на попятную.

Но с Сатору этот фокус не работал. На все предупреждения в духе «я сейчас все твоему брату расскажу» этот невозможный человек лишь самодовольно ухмылялся и заявлял: «Ой, да жалуйся сколько влезет, братик меня все равно прикроет!»

Да и жены, которая могла бы приструнить этого оболтуса, у Сатору не предвиделось. С таким характером он был обречен на вечное одиночество.

Мысли Мэгуми плавно утекли в сторону семейных архивов.

"И как вообще моему отцу, законченному проходимцу, так сказочно повезло встретить маму? Она ведь у меня идеальная — нежная, красивая, невероятно добрая и отзывчивая. Видимо, у нее просто была серьезная близорукость на оба глаза, раз она выбрала папу..."

Конечно, Тодзи был чертовски хорош собой и обладал чудовищной силой, но характер у него оставался просто невыносимым. Он умудрялся спускать огромные гонорары на тотализаторах и игровых автоматах, но при этом... Мэгуми припомнил теплые семейные вечера. Ладно, в глубине души отец все-таки любил их, так что со скрипом его можно было признать условно пригодным для семейной жизни.

Из задумчивости парня вывел чувствительный толчок в спину — Сатору без лишних церемоний выпихнул его за границу купола.

— Хватит витать в облаках, Мэгуми! Вперед, навстречу приключениям!

Благодаря многолетним тренировкам под руководством отца, Мэгуми не потерял равновесия и вошел в Завесу твердой, уверенной походкой, в отличие от Юдзи, который едва не растянулся на асфальте.

Оценив масштаб пропитавших воздух проклятых эманаций, Мэгуми сразу же призвал своих помощников:

— Гёкэн! Нуэ!

Крылатый сикигами с пронзительным криком взмыл в темное небо, ведя разведку с воздуха, а верный пес застыл у ног хозяина, скаля клыки.

Юдзи привычным движением натянул перчатки и настороженно огляделся. Мэгуми скользнул по нему взглядом и мысленно отметил, что выражение лица друга в этот момент абсолютно ничем не отличалось от настороженной морды Гёкэна.

Оставшись снаружи купола, Сатору повернулся к Идзити:

— Тут в трех километрах открылась новая кондитерская. Говорят, их кокосовое желе — это просто отвал всего. Быстро съезди и купи мне порцию. И не дай бог тебе вернуться с пустыми руками — лично уши надеру!

Вспомогательный управляющий вздрогнул, торопливо поклонился и побежал к машине.

Как только автомобиль скрылся за поворотом, Сатору небрежно засунул руки в карманы брюк и скользнул ленивым взглядом по окрестным крышам:

— И долго ты собираешься там отсиживаться, мышка?

В ту же секунду все уличные камеры видеонаблюдения синхронно повернулись в его сторону, уставившись на мага круглыми объективами. Из ближайшего динамика раздался скрежещущий механический голос:

— Годжо Сатору... Ты уничтожил Угина и Дагона. Твой час пробил!

Воздух вокруг Сатору зарябил, и в пространстве из ниоткуда соткался целый арсенал: тяжелые пулеметы, автоматические винтовки и гранатометы. Все это смертоносное железо одновременно открыло шквальный огонь.

Раздался оглушительный грохот, но град свинца и взрывная волна бессильно разбились о невидимую преграду «Безграничности».

Сатору лишь с легким интересом приподнял бровь:

— Ого, еще один член той банды проклятых духов? Способен материализовать столько огнестрельного оружия... Неужели твоя способность — это Созидающая техника?

Жаль, что самого кукловода поблизости не было, иначе Шесть глаз в мгновение ока раскусили бы природу его сил.

Впрочем, Сатору и так догадывался, что эта разумная тварь тесно связана с технологиями. Она умудрялась перехватывать сигналы камер и атаковать на огромном расстоянии. Логично предположить, что каналом для передачи ее проклятой энергии служат... радиоволны и сотовая связь.

Тем временем на другом конце города аналогичный сюрприз ожидал Хару и Гэто Сугуру, только что покинувших здание Главного совета магов.

— Верните Махито! — загремел искаженный динамиками голос.

На магов обрушился яростный, шквальный огонь. Сугуру невольно прошиб холодный пот. К счастью, Хара среагировал мгновенно, накрыв спутника куполом «Безграничности». Не окажись брата рядом, Сугуру наверняка получил бы серьезные ранения от внезапного свинцового ливня.

Конечно, он успел бы призвать своих духов и задействовать территорию для защиты, но фактор внезапности сыграл против него — несколько пуль точно нашли бы лазейку. Умереть бы он не умер, да и прирученный Махито всегда мог его подлечить, но перспектива лишний раз истекать кровью никого не радовала.

Сугуру с облегчением выдохнул:

— Спасибо, Хара. Вовремя ты.

Старший близнец уже всю сканировал взглядом окрестности:

— Не за что. Лучше подумай, как нам выкурить эту тварь. Ее здесь нет.

Щелчком пальцев Хара запустил «Синий», точно уничтожив ближайшую камеру слежения. Стоило объективу разлететься вдребезги, как парившие в воздухе пулеметы бесследно растворились.

Сугуру задумчиво прищурился:

— Любопытная способность. Управлять атаками через оптику на таком расстоянии... Было бы неплохо заполучить этого духа в мою коллекцию.

Хара достал мобильный телефон и обратился к встроенному ИИ:

— «Ноев ковчег», проверь сеть. Кто-то только что взломал дорожные камеры в нашем секторе.

Ответ искусственного интеллекта последовал незамедлительно:

— Запрос обработан. К сожалению, следов внешнего вмешательства в цифровую сеть не обнаружено.

Хара лишь спокойно убрал телефон в карман. Такого исхода он и ожидал.

<http://bllate.org/book/19549/2004393>